

УДК 327.8

А.В. Лубский

A. Lubskiy

**ГЕОИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА И
ГЕОИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАКУРСЫ ЕВРАЗИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

**GEO-IDEOLOGICAL
PARADIGM AND
GEO-IDEOLOGICAL
PERSPECTIVES
OF EURASIAN STUDIES**

В статье рассматриваются геоидеологическая парадигма как одно из методологических оснований геопространственного подхода в евразийских исследованиях, а также геоидеологические ракурсы этих исследований, представленные в работах западников и евразийцев.

Ключевые слова: *геоидеология, геоидеологическая парадигма, западники, евразийцы, либералы-государственники, неоконсерваторы, консерваторы-государственники, консерваторы-радикалы.*

Geo-ideological paradigm as one of the methodological foundations of geospatial approach in Eurasian studies and geo-ideological perspectives of these studies presented in the works of Westernism and Eurasianism supporters are considered in the article.

Keywords: *geo-ideology, geo-ideological paradigm, Westernism supporters, Eurasianism supporters, liberal-statists, neocons, conservatives-statists, conservatives-radicals.*

А.В. Лубский

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета.
E-mail: n_jav@mail.ru

A. Lubskiy

Doctor of philosophy, professor of Social, Political and Law Sciences Department of the Institute for Retraining and Advanced Teaching in Humanities and Social Sciences of the Southern Federal University.
E-mail: n_jav@mail.ru

© Лубский А.В., 2013

© Lubskiy A., 2013

В евразийских исследованиях в последнее время стали уделять особое внимание геопространственному подходу, одним из методологических оснований которого выступает геоидеологическая парадигма [1]. Центральным понятием этой парадигмы является «геоидеология», появление которого в научной литературе связывают с именем немецкого геополитика первой половины XX в. К. Хаусхофера, подразумевавшего под геоидеологией систему взглядов, раскрывающих особенности геоположения государства в мире и определяющих его политику исходя из необходимости расширения своего жизненного пространства [2]. В середине XX в. большое влияние на представления о геоидеологии оказали работы К. Шмитта, в которых геополитическое противостояние сухопутных и морских держав приобрело не только исторический, но и идеологический характер. Это противостояние приняло у него метафорический смысл борьбы «Бегемота» («номоса» земли), служащего олицетворением консерватизма и традиционного общества, и «Левиафана» («номоса» моря), враждебного традиционному обществу и консерватизму [3].

Однако уже во второй половине XX в. среди интеллектуалов Запада стали появляться различные концепции деидеологизации, или конца идеологий. Согласно этим концепциям, идеологии, являющиеся порождением мифологизированного сознания, используются той или иной общественной группой или государством для преследования своих интересов. Поэтому идеологии сегодня уже уходят в прошлое и будут казаться последующим поколениям одной из форм ложного мировосприятия, искажающего объективную реальность [4].

Последующие события в мире, обнаружившие преждевременность такого рода заявлений, привели к тому, что в настоящее время все больше сторонников приобретает концепция реидеологизации, сторонники которой рассматривают идеологию как неотъемлемую часть общественного бытия, объединяющую людей на основе определенных представлений, идей и ценностей. При этом они считают, что идеология определяет подходы к пониманию мира, дает его интерпретацию и образ, моделирует будущее через идеалы и предлагает проекты, направленные на его достижение [5].

Актуализация понятия «геоидеология» в настоящее время связана, прежде всего, с тем, что во внешней политике такой мировой державы, как США, особое значение стало придаваться идеологическим аспектам. В глобальной стратегии Соединенных Штатов, как отмечают специалисты, эти аспекты часто начинают выступать в качестве исходных обоснований для той или иной внешнеполитической инициативы [6]. В связи с этим некоторые ученые подчеркивают, что подобно тому, как Европа стала гипостазированным образом геополитики, Америка превратилась в гипостазированный образ геоидеологии. Америка сегодня – это глобальная геоидея,

артикулирующая множеством образов и стереотипов, среди которых главный – «Америка – мир-норма» [7].

В современной научной литературе еще встречаются представления о геоидеологии как системе взглядов, определяющих внешнюю политику государства исходя из необходимости расширения его жизненного пространства. Однако в настоящее время доминируют другие представления о геоидеологии. В рамках одного из них геоидеология рассматривается как инструмент геополитического управления и легитимации внешнеполитических целей [8]. В рамках другого представление о геоидеологии обусловлено пониманием того, что при осуществлении внешней политики особое значение придается решению не только политических или экономических задач, но и задач, связанных с ценностно-идеологической экспансией [9].

На основании таких представлений о геоидеологии в российском научном дискурсе появилось понятие «геоидеологическая парадигма», под которой подразумевается динамическое взаимодействие геополитики и идеологии. Это взаимодействие было обусловлено, как отмечают исследователи, появлением в XX в. мощных идеологий, которые характеризовались двумя параметрами: во-первых, активнейшим вовлечением масс в декларируемое переустройство мира; во-вторых, созданием устойчивых институтов для обеспечения идеологического контроля [10].

Говоря о геоидеологической парадигме евразийских исследований, надо отметить, что эти исследования зачастую сами принимают ангажированный характер. Это обусловлено тем, что на профессиональную деятельность ученых большое влияние оказывают идеологические и политические пристрастия интеллектуальной элиты. В частности, российская элита, не придя к согласию относительно желательного будущего страны, продолжает бескомпромиссно спорить о настоящем России, предлагая публике разные, а порой и несовместимые ее геоидеологические образы. Поэтому различные формы ангажированности ученых в евразийских исследованиях связаны, прежде всего, с их воображением как идеологической проекцией того, каким российское общество хочет видеть себя. В результате научный дискурс в евразийских исследованиях часто превращается в противостояние позиций, соотносимых с «большими идеологиями» и «презентациями будущего», опрокинутыми в настоящее.

Ангажированность научного мышления в евразийских исследованиях проявляется в первую очередь в противостоянии западников и евразийцев. Центральная идея западников состоит в том, что сегодня России, находящейся на границе между постсовременным и современным мирами, предстоит сделать геополитический выбор между большой Европой и Евразией. Причем сделать выбор в условиях, когда Запад уже завоевал важные позиции в Евразии, а Россия, несмотря на то, что этот регион тради-

ционно являлся сферой российской власти, особенно в имперский и советский периоды, перестала быть конституирующим центром Евразии. В таких условиях единственно рациональным, как полагают некоторые исследователи, было бы сосредоточиться на европейской идентичности России и организовать ее постепенную интеграцию в большую Европу [11]. Поэтому западники, как отмечают специалисты, настаивая на необходимости прозападной, а не региональной ориентации, приспособляются к доминированию Запада в Евразии. В этом плане их геополитические идеи являются либерально-западнической попыткой ответить на развивающиеся в России консервативные геополитические проекты евразийского характера [12].

В настоящее время понятие «евразийство» используется в широком смысле в качестве номинации для обозначения всех тех геоидеологических направлений, представители которых в той или иной мере противостоят западникам с их либеральными антиевразийскими геополитическими ориентациями.

Представители российского евразийства, рассматривая Россию в качестве хартленда (срединной земли) или государства, ответственного за организацию постсоветского пространства, выступают за разработку специальной евразийской стратегии для России. При этом евразийцы отмечают не только геополитическое, геокультурное, но и геоидеологическое своеобразие России, отличающее ее и от Запада, и от Востока. Геоидеологический аспект этого своеобразия они видят в принципе «идеократии», предполагающем главенство непрагматического и нематериального подхода к государственному устройству. В этом плане принцип «идеократии» противопоставляется принципам демократического, либерального правления, основанного на материальных и утилитаристских мотивациях. В связи с этим евразийцы, как отмечают исследователи, довели до окончательной ясности идеологические термины, в которых проявлялось исторически противостояние моря и суши: море – либеральная демократия, «торговый строй», прагматизм; суша – идеократия, «иерархическое правление», доминанция религиозного идеала [13].

Вместе с тем российское евразийство сегодня является неоднородным в идеологическом отношении направлением, в котором существуют разные течения и соответствующие им геоидеологические представления о целях и задачах евразийской стратегии России. Это, во-первых, либералы-государственники, во-вторых, неоконсерваторы, в-третьих, консерваторы-государственники, в-четвертых, консерваторы-радикалы. В литературе их иногда называют соответственно геоэкономистами, стабилизаторами, цивилизационщиками и экспансионистами [14].

Представители либерально-государственнического евразийства считают, что Россия не должна ориентироваться исключительно на Запад;

скорее ей следует развивать «геополитику взаимодействия», а не конфронтации с тремя геоэкономическими полюсами – Западом, Китаем и Азиатско-Тихоокеанским регионом. У этих геоэкономических акторов имеются важнейшие интересы в Евразии, и поэтому Россия должна быть готовой к принятию ключевых геоэкономических решений, если она намерена развивать транснациональные связи и порвать с исторически порочным циклом развития «вдогонку» за экономически развитым либеральным Западом [15]. Представители этого направления считают, что России необходимо воспользоваться своим геополитическим положением «перекрестка Евразии», а главное – своими геоэкономическими преимуществами и реализовать на этой основе концепцию евразийского транснационального развития, результатом которой будут и либерально-государственное процветание России, и политическая стабильность в Евразийском регионе.

Представители неоконсервативного евразийства считают, что Россия должна восстановить статус региональной державы, не стремясь при этом к воссозданию империи, и проводить разновекторную внешнюю политику исходя из национальных интересов. При этом они заявляют, что геостратегическая миссия России с учетом ее особого центрально-евразийского местоположения состоит в обеспечении стабилизации Евразии путем политики военно-политического балансирования и реализации различных геоэкономических проектов совместно с другими странами региона. Ссылаясь на исторический опыт, неоконсерваторы отмечают, что Россия столетиями успешно взаимодействовала с европейскими странами, не теряя при этом ни своего суверенитета, ни культурной самобытности. Поэтому, разделяя видение России как Евразии, они подчеркивают, что жизненно важные ее интересы неразрывно связаны как с Европой, так и с Азией, и в связи с этим особое значение придают разработке для России евразийской геостратегии. Такая геостратегия, полагают они, должна преодолеть отчуждение России от интеграционных процессов как в Европе, так и в Восточной Азии, сделать Россию ключевым звеном евразийского пространства и выстроить ее равноправные отношения с соседями на Западе и Востоке. При этом в выстраивании евразийской геостратегии особое значение следует придавать, с одной стороны, преодолению меркантильных подходов в российской политике на постсоветском пространстве, а с другой – необходимости создания Евразийского союза на основе добровольной, равноправной интеграции, совместному политико-экономическому развитию постсоветских государств с целью продвижения стран СНГ на сильные позиции в глобальном мире [16].

Неоконсерваторы близки к либералам-государственникам, но находятся ближе к консервативной части идеологического спектра. Примирившись с распадом СССР и возникновением новой либеральной эры, теоретики данного течения продолжают, как отмечают исследователи,

мыслить в традиционных категориях баланса власти в Евразии. Им близка перспектива создания системы коллективной безопасности в Евразии, полноценными участниками которой являются все ключевые акторы, включая Китай, Иран, западные державы и Россию. Разница между ними заключается в том, что либералы-государственники ограничиваются разработкой геоэкономических аспектов евразийской стратегии, а евразийская стратегия неоконсерваторов включает и геоэкономические, и геополитические компоненты [17].

Представители консервативно-государственнического евразийства рассматривают Россию как особый в цивилизационном отношении геополитический ареал, вынужденный выживать во враждебно настроенном окружении. Представители этого течения считают, что причиной «фундаментального отчуждения» России от Европы является глубина цивилизационных различий, поэтому их геоидеологические взгляды носят ярко выраженный антилиберальный характер. Рассматривая Россию как самобытную евразийскую цивилизацию, консерваторы-государственники считают, что она способна выжить, лишь оградив себя от «пагубных» влияний Запада [18]. Поэтому целью евразийской стратегии они считают возрождение России как центрально-евразийской империи путем политической и экономической экспансии в исторических границах, т.е. границах бывшего СССР, а также поддержание близких отношений с Китаем, Индией и другими государствами Евразии, но при сохранении собственной цивилизационной самодостаточности. Результатом этой экспансии должно быть, с одной стороны, объединение постсоветского пространства под контролем России в формально и неформально интегрированный союз, а с другой – установление союзных отношений со странами Азии и мусульманского мира для сдерживания геополитических и геоидеологических амбиций Запада в Евразии. Придавая особую значимость военной силе в сохранении российского влияния в Евразии и преобразовании региона в соответствии со стратегическими интересами и культурными ценностями России, они также настаивают на необходимости восстановления характерного для сверхдержавы ее ядерного и экономического могущества.

Консервативно-радикальное евразийство представляет собой особое течение неоевразийства в России. Радикализм этого течения состоит в том, что речь идет не просто о распространении консервативных или неоконсервативных идей, а о создании новой геоидеологии, альтернативной прежде всего либерализму (в том числе либеральному консерватизму), претендующему в настоящее время на геостратегическую универсальность. Основные ее геоидеологемы получили воплощение четвертой политической теории [19]. Геоидеологемы этой теории являются основой евразийской геостратегии России, получившей концептуальное оформле-

ние в работах А.Г. Дугина, в которых евразийский путь России рассматривается как ее национальная идея [20].

Евразия, как считают консерваторы-радикалы, есть геополитическая судьба России, делающая ее «сердцевинной землей» (Heartland) и «географической осью истории». В геополитических терминах это означает, что Россия олицетворяет собой «цивилизацию суши», само ее «место-развитие» делает ее цитаделью континентального стратегического пространства. В силу этого, считает А.Г. Дугин, России в стратегическом смысле суждено быть ядром континентального евразийского блока, системы государств, объединенных общей структурой безопасности.

Тождественность России и континентальной «цивилизации суши» в геополитической модели мира заведомо обрекает ее, как отмечает А.Г. Дугин, на цивилизационное противостояние с геополитическим лагерем «цивилизации моря». В настоящее время географическая предопределенность привела к тому, что оплотом «цивилизации моря» стал «Мировой Остров» – США, которые увенчали своим «морским могуществом» англосаксонскую миссию Великобритании, чью эстафету они постепенно перехватили.

Ссылаясь на геоисторический опыт, А.Г. Дугин подчеркивает, что свой континентальный масштаб Россия реализовывала постепенно, расширяя на разных этапах своей истории размер евразийских территорий, подконтрольных центру, тяготевая в имперский и советский периоды к достижению границ самого евразийского континента. За каждым отступлением от этого правила следовал новый пространственный рывок, сопровождавшийся более универсальным осознанием народом своей миссии. История евразийского пути развития России как ее национально-государственной идеи в чередующихся циклах (каждый из которых заканчивался катастрофой, чтобы очистить место для нового, еще более универсального витка) убеждает А.Г. Дугина в том, что всякий раз, когда Россия преодолевала кризис национального и государственного самосознания, новая формулировка ее национально-государственной идеи становилась еще более универсальной и масштабной, нежели предыдущая. Иными словами, делает вывод А.Г. Дугин, следующий по логике истории этап государственного утверждения России должен стать эпохой создания геополитического Евразийского государства планетарного объема.

А.Г. Дугин, трактуя мировую политику как противоборство морских и сухопутных держав и рассматривая Россию в силу ее географического положения как центр евразийской интеграции, считает, что только она может с полным геополитическим основанием выступать от имени Heartland, поскольку ее стратегические интересы не просто близки к интересам континента, но и тождественны им. Однако при этом речь у А.Г. Дугина идет не о том, что Россия, как утверждают некоторые исследователи, должна воспользоваться своим стратегическим положением и

мобилизовать имеющиеся у нее ресурсы, опыт и волю для установления полного и безраздельного контроля над Евразией, а о том, чтобы стать центром интеграции Евразии, противостоящей атлантизму и мондиализму Запада во главе с США. В связи с этим целью российской геостратегии в XXI в. является строительство новой евразийской державы, которая должна будет стратегически и пространственно превосходить предшествовавший вариант – СССР. Строительство России как новой евразийской державы, находящейся в центре новой Евразийской империи, должно будет скреплено, как подчеркивает А.Г. Дугин, осью «Москва – Берлин» в Европе; осью «Москва – Токио» на Востоке; осью «Москва – Тегеран» и «Москва – арабские страны» на Юге.

Представителей консервативно-радикального евразийства иногда называют экспансионистами [21], поскольку они считают, что российское положение между Западом и Востоком подразумевает необходимость расширяться далеко за пределы исторических границ России, и поэтому «новая Империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой» [22].

Примечания

1. Зарубежное регионоведение: евразийские исследования. М.; Ростов н/Д, 2013.
2. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // *Исаев Б.А.* Геополитика: хрестоматия. СПб., 2007.
3. Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // *Исаев Б.А.* Геополитика: Хрестоматия. СПб., 2007.
4. Фукуяма Ф. Конец истории? // *Философия истории.* Антология. М., 1995.
5. Баранец Н.Г., Калантарян И.Г. Деидеологизация и реидеологизация современного общества: мифы или реальность? // *Власть.* 2012. № 11. С. 97–99.
6. Арутюнян Г. Переходное состояние (геоидеологический фактор в глобальных и региональных тенденциях) // 21-й век. 2005. № 2. С. 5.
7. Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития // *Общественные науки и современность.* 2001. № 1. С. 136–137.
8. Куликова Н.В. Моделирование идеологий как инструмент геополитического управления // *Геополитическое будущее России: тру. Первой всерос. конф.* М.: Горячая линия–Телеком, 2003.
9. Аксенов К.Э. Ценностно-идеологическая экспансия – главная геополитическая проблема России // *Научный эксперт: научный электрон-*

ный журнал Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. 2009. Вып. 10.

10. *Плешаков К.В.* Геоидеологическая парадигма // *Международная жизнь*. 1995. № 4–5.

11. *Тренин Д.В.* Post-imperium: евразийская история. М., 2012.

12. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. М., 2008. С. 47–48.

13. *Тихонравов Ю.В.* Геополитика. М., 2000. С. 230–255.

14. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений. С. 48–51.

15. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 221–222.

16. *Рогов С.М.* Стратегия России в Евразии в XXI веке // *Новая газета*. 2010. 26 февр.

17. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений. С. 48–49.

18. *Зюганов Г.А.* География победы. Основы российской геополитики. М., 1999; *Нартов Н.А.* Геополитика. М., 2002.

19. *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009.

20. *Дугин А.Г.* Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея-центр, 2002.

21. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений. С. 47.

22. *Дугин А.* Основы геополитики: Мыслить пространством. 2-е изд. М., 2000. С. 212.